

УДК 1:327.8:37(470+517.3)

ВЕКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ МОНГОЛИИ: К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Н. Хишигдулам

Монгольский национальный университет образования (г. Улан-Батор)
khishigdulam@msue.edu.mn

А. А. Изгарская

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
aizgarskaya@gmail.com

Аннотация. Статья представляет результаты комплексного анализа столетней эволюции российско-монгольского образовательного партнерства (1920–2025 гг.) как уникального кейса трансформации образовательных связей в условиях геополитических изменений. На основе компаративного исторического анализа описан процесс формирования образовательной системы в Монголии на базе советской модели, дана характеристика ее перехода к многовекторному сотрудничеству на современном этапе, определены перспективы развития монголо-российских отношений в сфере образования. Обоснована необходимость создания модели российско-монгольских образовательных связей, отражающей объективно сложившуюся ситуацию партнерского сотрудничества в условиях существующей конкуренции с другими потенциальными участниками в образовательном пространстве Монголии.

Ключевые слова: система образования Монголии, советская образовательная система, языковая политика, российско-монгольское сотрудничество, образовательная интеграция, образовательная дипломатия, академическая мобильность.

Для цитирования: Хишигдулам, Н., Изгарская, А. А. (2025). Векторы интеграции системы образования Монголии: к проблеме эволюции российско-монгольского партнерства. *Respublica Literaria*. Т. 6. № 4. С. 159-175. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.159-175

INTEGRATION VECTORS OF THE MONGOLIAN EDUCATION SYSTEM: TO THE PROBLEM OF THE EVOLUTION OF RUSSIAN-MONGOLIAN PARTNERSHIP

N. Khishigdulam

Mongolian National University of Education (Ulaanbaatar)
khishigdulam@msue.edu.mn

A. A. Izgarskaya

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
aizgarskaya@gmail.com

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of the centenary evolution of the Russian-Mongolian educational partnership (1920–2025), treating it as a unique case study in the transformation of educational ties amidst geopolitical changes. Based on a comparative historical analysis, the process of formation of the Mongolian educational system in the Soviet period is described, its transition to multi-vector cooperation at the present stage is characterized,

and prospects for the development of Mongolian-Russian relations in the field of education are determined. The article substantiates the task of forming a model of educational relations that reflects the objectively established situation of competitive cooperation.

Keywords: Mongolian education system, Soviet educational system, language policy, Russian-Mongolian cooperation, educational integration, educational diplomacy, academic mobility.

For citation: Khishigdulam, N., Izgarskaya, A. A. (2025). Integration Vectors of the Mongolian Education System: To the Problem of the Evolution of Russian-Mongolian Partnership. *Respublica Literaria*. Vol. 6. No. 4. Pp. 159-175. DOI: 10.47850/RL.2025.6.4.159-175

Введение

Российско-монгольское образовательное сотрудничество представляет собой редкий пример столетнего партнерства, прошедшего через радикальные политические и социальные трансформации: от революционной модернизации 1920-х гг. через период тесной советско-монгольской интеграции к постсоциалистической диверсификации и современному поиску новых форм взаимодействия. Изучение этого исторического опыта актуально не только для понимания двусторонних отношений России и Монголии, но и для более широкого теоретического осмысления механизмов образовательной дипломатии, трансформации средств интеграции в условиях геополитических изменений и характера международных образовательных связей.

Актуальность исследования определяется несколькими обстоятельствами. С одной стороны, российско-монгольское образовательное партнерство находится на критическом перепутье, существует реальная опасность утраты российского присутствия в образовательном пространстве Монголии. Усиливается конкуренция со стороны западных и азиатских образовательных систем, меняется структура глобального образовательного рынка. И в это же время происходит смена поколений, монголов, владеющих русским языком, с каждым годом становится все меньше. С другой – опыт российско-монгольских отношений предоставляет уникальный материал для анализа долгосрочных эффектов образовательной интеграции. Он позволяет проследить, как институциональные связи, созданные в одну историческую эпоху, трансформируются в принципиально иных условиях. Современная Монголия реализует стратегию многовекторной образовательной политики, что делает ее показательным кейсом для изучения механизмов диверсификации международных образовательных связей малыми, с позиции миросистемного подхода – периферийными, государствами.

Методология исследования. Данное исследование рассматривает образовательное сотрудничество не через призму односторонней «культурной экспансии» или «мягкой силы» [Nye, 2004, pp. 5-32], как это часто можно встретить в современной литературе, а как сложный миросистемный процесс взаимовыгодного обмена, в котором обе стороны на разных исторических этапах играли активную роль и извлекали специфические выгоды [Steiner-Khamsi, 2004, pp. 1-24].

Экономический аспект интеграционной динамики. В соответствии с миросистемным подходом динамика российско-монгольского сотрудничества объясняется сменой стратегий развития Российского государства [Arrighi, 1990]. В советский период экономика социалистических стран развивалась относительно автономно от мировой системы

разделения труда. Устойчивость такой системы зависела от многообразия составляющих ее элементов, способных выполнять широкий спектр видов деятельности. Поэтому формирование социалистической системы разделения труда создавало условия для развития внешних и внутренних периферийных областей советской системы. Этим определялись тесные взаимосвязи СССР и Монголии – государства, вторым вставшим на путь развития социализма. Распад СССР привел к смене развития стратегии и России, и Монголии. Россия, как и бывшие республики Советского Союза, активно начала встраиваться в миросистему, стремясь в конкурентной борьбе занять наиболее благоприятные ниши в торговле со странами капиталистического ядра. Это привело к распаду ранее сформированных связей. Распад связей тяжело ударил по экономике и обществу и России, и Монголии. Но если связи России были диверсифицированы, то монгольскому правительству пришлось искать новые международные связи, которые могли не только влить в экономику страны капитал, но и уравновесить опасное экономическое влияние со стороны Китая.

Культурный аспект интеграционной динамики. Для анализа культурных связей будем использовать синтез миросистемного подхода, а именно концепции двух употреблений культуры И. Валлерстайна [Wallerstein, 2000], и концепции цивилизаций как зон и сетей престижа Р. Коллинза (парадигма неовеберизма) [Collins, 2001]. На этой основе отношения Москвы и Улан-Батора можно проинтерпретировать как связи двух разных по масштабу центров советской цивилизации. Москва после Октябрьской революции 1917 г. выступает как центр творчества нового мира, пример для подражания, а позже становится основным защитником идей социализма. Формируемая Москвой культура (употребление I) в своей основе содержит бинарную картину мира. Мир поделен на «капиталистический» и «социалистический», на «эксплуататорский» и «свободный от эксплуатации», на «несправедливый» и «справедливый», на «старый» и «новый». Культура (употребления II) выстраивала иерархию и создавала многообразие элементов внутри системы. Во внутреннем устройстве системы Москва занимала место «старшего брата», который интегрировал общества в единое целое и определял правила и для республик СССР, и для стран социалистического лагеря. Москва была интегрирующим центром, Улан-Батор – интегрируемым. После распада системы социализма Москва утрачивает роль творческого (по Коллинзу) центра советской цивилизации. Ее экономические и политические элиты встраиваются в сети зон мирового престижа и транслируют соответствующие образы потребления, управления, образования. Творчество заменяется инжиниринговой адаптацией западных образцов к российским реалиям, в разной степени бедных, внутренних регионов. Эти же процессы шли в Монголии. Выстраивая свою национальную идентичность с опорой на традиционную культуру (употребление II), политическая и экономическая элиты Монголии устанавливали связи с мировыми сетями престижа, стремясь избежать судьбы Внутренней Монголии. Так, например, Д. В. Ушаков показал, что монгольская образовательная система, как и российская, переживала схожие трансформации под влиянием неолиберальных идей и западных стандартов [Ушаков, 2018].

Теоретическая рамка исследования основывается на концепциях образовательной дипломатии и транснационального образовательного пространства, разработанных Г. Штайнер-Хамси, а также на критическом анализе постсоциалистических трансформаций образовательных систем [Steiner-Khamsi, Stolpe, 2006; Weidman, Bat-Erdene, 2002, pp. 117-130]. Особое внимание уделяется диалектике модернизации и культурной идентичности,

вопросам образовательного неравенства в условиях глобализации [Изгарская, 2022] и роли языковой политики в формировании международных образовательных связей [Хишигдулам, Изгарская, 2025].

Методологическая архитектура исследования основана на принципе триангуляции, интегрирующем множественные подходы и источники для обеспечения валидности и глубины анализа столетней эволюции российско-монгольского образовательного партнерства. Центральным инструментом выступает компаративный исторический анализ. Он позволяет выявить общие закономерности и специфические особенности трех качественно различных периодов сотрудничества: советского периода глубокой интеграции (1920–1990 гг.), трансформационного периода кризиса и переориентации (1990–2010 гг.) и современного этапа фрагментарного восстановления связей (2010–2025 гг.). Сравнительный анализ структурирован по четырем взаимосвязанным измерениям: количественные показатели академической мобильности, институциональные механизмы взаимодействия, языковая политика (статус русского языка и его конкуренция) и геополитический контекст (внешнеполитические стратегии и конкуренция образовательных систем).

Для интерпретации нарративов сотрудничества применяется критический дискурс-анализ. Он позволяет выявить, как один и тот же исторический процесс репрезентируется в советской / российской и монгольской традициях, избегая тем самым односторонней интерпретации и учитывая множественные голоса.

Позиция авторов (монгольского и российского исследователей) обеспечивает «взгляд изнутри» обеих традиций, требуя при этом критической дистанции от националистических нарративов. Временная дистанция позволяет объективно оценить модель советского сотрудничества. Междисциплинарный характер работы сочетает элементы истории образования, социологии международных отношений и компаративной политологии, обогащая аналитическую перспективу.

Советский период: формирование плодотворного образовательного партнерства (1920–1990 гг.)

После победы Народной революции 1921 г. и провозглашения Монгольской Народной Республики в 1924 г. перед молодым государством открылись новые возможности для образовательного сотрудничества с СССР [Rossabi, 2005, pp. 45-67]. Это партнерство родилось из реальных нужд двух молодых социалистических государств. Монголии требовалась современная система образования и подготовки национальных кадров. Советский Союз, нуждавшийся во внешних связях и имевший опыт ликвидации массовой неграмотности, мог предложить эффективные, проверенные на практике решения. Советско-монгольские связи в сфере образования формировались в условиях почти тотальной неграмотности монгольского населения, лишь незначительная часть монголов умела читать и писать [Steiner-Khamsi, Stolpe, 2006, pp. 78-92; Актамов, Григорьева, 2022, с. 67]. Традиционное образование существовало только в буддийских монастырях, где обучение велось на старомонгольской письменности с использованием тибетского и маньчжурского языков. Ученые и педагоги столкнулись с задачей не просто реформировать существующую систему, а фактически создать современную национальную систему образования с нуля.

Языковая реформа и ее последствия. Решающим оказался языковой вопрос. В 1931 г. был осуществлен переход на латинизированный алфавит, а в 1946 г. – окончательный переход на кириллицу, адаптированную для монгольского языка [Kaplonski, 2004, pp. 112-135]. Это решение, принятое под влиянием СССР, имело огромные долгосрочные последствия. Оно фактически интегрировало Монголию в советское образовательное и информационное пространство, сформировало интеллектуальную элиту, воспитанную в рамках советской образовательной традиции. Монгольский историк Ж. Бор, анализируя создание современного образования, подчеркивал: «Монголия, приняв советский опыт, совершила скачок от феодализма к социализму, и в этом процессе школа и высшее образование сыграли решающую, модернизирующую роль»¹. Однако переход на кириллицу, будучи технически эффективным решением для массовой грамотности, привел к разрыву с собственной письменной традицией. Как отмечают Г. А. Дырхеева и Г. Наранчимэг, целое поколение монголов оказалось отрезано от классической монгольской литературы на старомонгольской письменности [Дырхеева, Наранчимэг, 2019].

Системные характеристики образовательной интеграции. Советская модель образовательной интеграции с Монголией была комплексной и многоуровневой. На начальном этапе основное внимание уделялось ликвидации неграмотности и созданию базовой инфраструктуры образования. К концу 1930-х гг. в Монголии появилась сеть начальных школ, где обучение велось на монгольском языке с обязательным изучением русского. Военный и послевоенный периоды принесли еще более глубокую интеграцию. Открытие в 1942 г. Монгольского государственного университета стало поворотным моментом. Университет был создан при прямой помощи СССР, который направил преподавателей (в том числе эвакуированных из Москвы) и оборудование, а также содействовал разработке учебных планов и программ по образцу советских вузов, что обеспечило полную унификацию образовательного процесса [Джагаева, 2019, с. 34].

Центральным элементом интеграции стала подготовка монгольских специалистов в советских вузах. Межправительственное «Соглашение об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР и содержании их» от 12 мая 1948 г. обеспечило ежегодное планомерное увеличение числа монгольских студентов в Советском Союзе [Суржко, 2022, с. 96]. Эта традиция обменов зародилась еще в 1922 г., когда первые пятнадцать монгольских студентов были отправлены в Москву для получения высшего образования. Только с 1951 по 1961 гг. в вузах СССР было подготовлено 410 специалистов для экономики Монголии [Доржиева, Цыремпилова, 2021, с. 47]. Монгольский исследователь Д. Чимэддорж отмечает: «Без тесного сотрудничества с советскими высшими учебными заведениями подготовка наших собственных технических и научных кадров была бы невозможна. Это была основа индустриализации и становления Монголии как современной нации»². Вместе с тем образовательные программы в СССР включали обязательное изучение марксизма-ленинизма и истории КПСС. Н. Баатар прямо указывает, что подготовка кадров способствовала формированию элиты, «лояльной к социалистической модели развития»,

¹ Бор, Ж. (1980). *Монголын боловсролын түүхэн замнал. (Исторический путь монгольского образования)*. Улаанбаатар. Улсын хэвлэлийн газар. Х. 15.

² Чимэддорж, Д. (1978). *Дээд боловсролын хөгжил ба Зөвлөлтийн тусламж (Развитие высшего образования и советская помощь)*. Улаанбаатар. Шинжлэх ухааны академийн хэвлэл. Х. 45.

что ограничивало интеллектуальную свободу и критическое мышление³. Возможность учиться в СССР становилась механизмом формирования привилегированного класса – партийной номенклатуры.

Результаты и достижения советского периода. В результате совместных мероприятий монгольских и советских педагогов уже к концу 1957 г. количество грамотных монголов в возрасте от 13 до 45 лет составило 93,4 %, а в начале 1970-х гг. Монгольская Народная Республика (МНР) стала страной сплошной грамотности и вошла в ряд стран, обладающих высоким научным и культурным потенциалом [Энхбаяр, 2011, с. 97]. В стране была создана полноценная, многоуровневая система образования (дошкольное, высшее, послевузовское), что позволило Монголии готовить собственные высококвалифицированные кадры практически во всех ключевых отраслях экономики и социальной сферы. Была создана современная интеллектуальная и управленческая элита, ориентированная на советскую / российскую культуру. К концу 1980-х гг. система образовательной интеграции СССР и МНР достигла своего пика. Сотрудничество привело к впечатляющим результатам: по данным переписи 1989 г., уровень грамотности среди взрослого населения Монголии составил около 97 %, что было сопоставимо с показателями развитых стран⁴.

В целом, как отмечают монгольские исследователи, за прошедшие сто лет более 70 тыс. граждан Монголии получили в СССР высшее, среднеспециальное или профессиональное образование. Наглядным подтверждением влияния российского образования служит тот факт, что выпускники российских / советских вузов составляли треть парламента Монголии в 2020–2024 гг. и более 60 % научных сотрудников⁵.

Эпоха трансформаций и переосмысления приоритетов (1990–2010 гг.)

Демократические преобразования в 1990 гг. в Монголии и трансформация Советского Союза естественным образом привели к пересмотру приоритетов в области международного сотрудничества. Образовательная сфера, как и многие другие области взаимодействия, столкнулась с необходимостью адаптации к новым политическим и экономическим реалиям [Heaton, 1992; Pomfret, 2000]. Первые признаки кризиса проявились уже в 1990–1991 гг., когда резко сократилось финансирование образовательных программ с советской стороны. Особенно болезненным оказалось прекращение программ подготовки монгольских специалистов в советских, а затем российских вузах. Если в 1986–1990 гг. в советские вузы ежегодно направлялось до 1300 человек [Энхбаяр, 2011, с. 97], то к середине 1990-х гг. общее число обучающихся драматически сократилось. Это было прямым следствием трансформации образовательных систем и в Монголии, и в России. Происходила замена советской модели на западную, что вело к снижению востребованности российских вузов

³ Баатар, Н. (2018). *Монгол Оросын соелын хамтын ажиллагаа. (Монголо-российское культурное сотрудничество)*. Улаанбаатар. МУИС хэвлэл. Х. 145.

⁴ Yembaa, B., Munkh-Erdene, K. (2006). Literacy Country Study: Mongolia. [Online]. UNESCO. UNESDOC. *Цифровая библиотека*. Р. 6. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000146207> (Assessed: 01 October 2025).

⁵ Erdenejargal, E. (2022). Mongolian Graduates of Russian Higher Education Institutions Celebrate Anniversary Dates. [Online]. *The Mongol Messenger*. 17 October. Available at: <https://montsame.mn/en/read/306099> (Assessed: 01 October 2025).

[Доржиева, Цыремпилова, 2021, с. 51]. Поскольку Монголия не развивала собственную исследовательскую базу, полагаясь на советскую науку, после 1991 г. происходит коллапс многих научных институтов, не способных функционировать автономно.

Трансформация языковой политики. Наиболее драматичным аспектом постсоветской трансформации Монголии стала радикальная смена языковой политики и последующая маргинализация русского языка в образовательном пространстве. В советский период русский язык фактически выполнял функции второго государственного и занимал ведущее место в учебных программах, однако после 1990 г. его позиции резко ослабли. Утрата русским языком доминирующего положения в монгольской школе явилась прямым следствием вынужденной геополитической переориентации Монголии, взявшей курс на сближение с западными государствами и диверсификацию внешнеполитических контактов. Масштаб языковых изменений в Монголии после 1990-х гг. оказался значительным. По данным исследования «Русский язык в системе образования Монголии: состояние, динамика, проблемы» статус русского языка снизился: он утратил обязательный характер в общеобразовательных школах, стал факультативным в старших классах, а английский стал приоритетным иностранным языком [Дырхеева и др., 2021, с. 31-36]. Поскольку часы на русский язык сокращались, часть учителей русистского профиля была вынуждена перейти на преподавание других языков. По различным оценкам в настоящее время русским языком в той или иной степени владеет менее 30 % населения Монголии. Как отмечают исследователи, современное положение русского языка остается проблемным и требует целенаправленных усилий для его восстановления [Намжилсурэн, Рулиене, 2024].

Самым серьезным долгосрочным последствием стал разрыв языковой преемственности между поколениями. Современная монгольская молодежь оказалась лишена непосредственного доступа к литературному и научному наследию периода тесного советско-монгольского сотрудничества. Молодые люди не могут свободно работать с научными трудами и читать книги, составлявшие интеллектуальный багаж их родителей. Процесс «англизации» образовательной среды остается доминирующим трендом: английский язык превратился в ключевой маркер социальной мобильности, академического успеха и международной интеграции.

Геополитическая переориентация. Постсоветский период характеризовался кардинальным изменением геополитических ориентиров Монголии [Rossabi, 2005, pp. 234-256; Karlonski, 2004, pp. 167-189]. Политика «третьего соседа», официально провозглашенная в середине 1990-х гг., предполагала диверсификацию внешнеполитических связей и снижение зависимости Монголии и от Китая, и от России. Образовательная сфера стала одним из важнейших инструментов реализации этой стратегии.

Высшее образование в Монголии, основывавшееся на советской модели, претерпело значительную диверсификацию в постсоветский период [Steiner-Khamsi, Stolpe, 2006, pp. 145-168]. Стремясь к международному признанию качества образования, Монголия начала самостоятельно выбирать и внедрять лучшие мировые практики. С 2009 г. Министерство образования, культуры и науки начало работу по апробации Международной Кембриджской программы: «31 лабораторная школа была создана для апробации

и реализации этих учебных программ»⁶. Параллельно в сотрудничестве с Японским агентством международного сотрудничества (JICA) был реализован двухэтапный проект по внедрению методики «Исследование урока», которая «сегодня стремительно развивается как лучший механизм непрерывного развития учителя на рабочем месте во многих странах мира»⁷.

Этот процесс демонстрирует, что образовательное партнерство XXI в. для Монголии не сводится к модели односторонней передачи знаний и опыта, а является активным выбором мировых моделей с учетом собственных целей и вызовов⁸. Однако следует подчеркнуть, ироничным кажется то, что продвижение некоторыми международными донорами американских моделей образования сопровождалось критикой советской системы, но внедряемые модели не достигли такого массового успеха в развитии базовой грамотности и других навыков, как коммунистическая монгольская система образования [Rossabi, 2005, р. 66]. Более того, интеграция мировых стандартов в стране с доминирующим в составе оседлым населением способствует закреплению социального неравенства, игнорированию специфики кочевого скотоводства [Stolpe 2016; Хишигдулам, 2024; Хишигдулам, Изгарская, 2025, с. 94]. Дети из пасторальных сообществ сталкиваются с противоречиями между требованиями формального школьного образования и особенностями традиционного образа жизни. Эти трудности усугубляют социальное и образовательное неравенство, что вместе с расширением международных образовательных программ стимулирует молодежь искать возможности обучения и трудоустройства за рубежом [Ahearn, Bumochir, 2016, pp. 87-96]. Согласно отчетам Программы развития ООН⁹ и Международной организации по миграции¹⁰ значительная часть молодых монголов рассматривает международное образование как средство профессионального и социального продвижения.

Современный этап: попытки восстановления утраченных позиций (2010–2025 гг.)

Осознание масштабов утраченного влияния в образовательной сфере Монголии пришло к российскому руководству лишь к 2010-х гг. Первые системные попытки восстановления образовательного присутствия в Монголии были предприняты в 2010–2012 гг. Важным шагом стало создание в 2012 г. Федерального агентства Россотрудничество. В рамках деятельности этого ведомства была активизирована работа Российского центра науки и культуры в Улан-Баторе.

---

⁶ Бэгз, Н. (2019). *Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): Туришлага, сургамж. (Развитие образования в Монголии (1992–2017): Опыт, уроки)*. Улаанбаатар. [Online]. Available at: <https://sudalgaa.gov.mn/mongolyn-bolovsrolyn-khgzhil-1992-2017-turshlaga-surgamzh-ol4> (Accessed: 05 September 2025). X. 97.

⁷ Бэгз, Н. (2019). *Монголын боловсролын хөгжил (1992–2017): Туришлага, сургамж ...*

⁸ Анализ ключевых документов образовательной политики Монголии в постсоветский период, который выявил сложное противоречие между стремлением к внедрению международных образовательных образцов и задачей сохранения национальной идентичности, основанной на традиционной монгольской культуре [см.: Хишигдулам и др., 2024].

⁹ Mongolia Human Development Report 2016: Building a Better Tomorrow – Including Youth. Ulaanbaatar: United Nations Development Programme. (2016). [Online]. UNDP Mongolia. Available at: <https://www.undp.org/mongolia/publications> (Accessed: 01 September 2025).

¹⁰ Migration in Mongolia: Policy, Trends and Social Impacts. Ulaanbaatar: IOM Mongolia. (2020). [Online]. International Organization for Migration (IOM). Available at: <https://mongolia.iom.int> (Accessed: 01 September 2025).

В соответствии с Планом приема на 2021/2022 уч. г. в российской системе образования было выделено 515 квот на обучение граждан Монголии, а на 2023/2024 уч. г. – 620 мест. Российское образование сохраняет привлекательность для монгольской молодежи. Особенно популярными среди монгольских студентов остаются традиционные направления подготовки: медицина, инженерные специальности, экономика и управление. Значительная часть студентов поступает в российские вузы для изучения горного дела и геологии.

Одной из наиболее успешных инициатив стала детская программа «Мы поедem в Артек», в рамках которой ежегодно несколько сотен монгольских школьников получают возможность отдохнуть в знаменитом детском лагере в Крыму. Однако программа имеет скорее символическое значение, поскольку краткосрочные визиты не формируют устойчивых языковых навыков и не компенсируют отсутствие системного изучения русского языка.

Институциональное развитие сотрудничества. Системное восстановление позиций российского образования требует не только увеличения квот, но и развития институциональной инфраструктуры – создания филиалов российских вузов или совместных факультетов на территории Монголии. В 2022 г. была подписана Программа сотрудничества между Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством образования и науки Монголии на 2022–2024 гг.¹¹ Важным элементом институционального развития стало создание совместных образовательных программ и учебных заведений. Развиваются программы академической мобильности для преподавателей и исследователей. Особое место занимают программы дистанционного обучения, которые позволяют существенно снизить стоимость обучения.

Экономический фактор особенно важен. Российское образование сохраняет значительное ценовое преимущество. Стоимость обучения для иностранцев варьируется от \$1100 до \$3800 в год (63000–344000 руб.), при среднем диапазоне \$2500–\$8000, в зависимости от специальности и престижа учебного заведения¹². Правительство РФ субсидирует 80–90 % стоимости¹³, предоставляет монгольским студентам бесплатное проживание и обучение по государственным квотам.

Для сравнения, в США стоимость обучения может достигать \$24000 в год (магистратура \$10 000–\$20 000), хотя иногда предоставляются скидки (до \$9900). Обучение в Китае обходится в среднем \$3000–\$10000 в год¹⁴, что делает его конкурентоспособным. Местное монгольское образование для граждан почти бесплатно, но для иностранцев –

---

¹¹ Программа сотрудничества между Министерством науки и высшего образования РФ и Министерством образования и науки Монголии на 2022–2024 годы. (2022). [Электронный ресурс]. *Министерство науки и высшего образования Российской Федерации*. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=45091 (дата обращения: 22.09.2025).

¹² Study in Russia: Tuition Fees & Scholarships. (2025). [Online]. *Educations.com*. Available at: <https://www.educations.com/study-guides/europe/study-in-russia/tuition-fees-13341> (Accessed: 09 October 2025).

¹³ 11 best Russian Universities for International Students. (2025). [Online]. *Study International*. 15 April. Available at: <https://studyinternational.com/news/best-russian-universities/> (Accessed: 09 October 2025).

¹⁴ Cost of Studying in China. (2025). [Online]. Available at: <https://www.cucas.cn/feature/index/2325/2325?lang=en> (Accessed: 09 October 2025).

от \$2500¹⁵. Низкое международное признание монгольских дипломов стимулирует отток молодежи. Острым вопросом является трудоустройство выпускников. Высокий уровень безработицы среди монгольской молодежи¹⁶ вынуждает выпускников искать работу за рубежом. Выпускники российских вузов традиционно имеют высокий уровень трудоустройства в Монголии, особенно в технических и медицинских областях. Однако растущий спрос на англоязычных специалистов дает преимущество выпускникам западных вузов. Интернационализация рынка труда Монголии (9900 иностранных специалистов на начало 2025 г.) усиливает внутреннюю конкуренцию¹⁷.

Языковые программы и поддержка русского языка. Фонд «Русский мир» реализует в Монголии несколько программ, направленных на поддержку изучения русского языка. Созданы русские центры при крупнейших университетах страны. Важной инициативой стало открытие Центра открытого образования на русском языке на базе Российско-Монгольской школы, где «предусмотрено проведение пробного государственного тестирования по русскому языку как иностранному»¹⁸. Министерство просвещения России также реализует проект «Российский учитель за рубежом»¹⁹. В рамках проекта с сентября 2022 г. 12 учителей из России начали преподавать русский язык в школах пяти регионов Монголии. В Улан-Баторе в школе № 162 с 2023 г. ведется обучение по российским образовательным стандартам. Российские педагоги проводят уроки и организуют олимпиады по русскому языку среди учащихся школ района Сонгинохайрхан. Проект предоставляет российским педагогам уникальную возможность работать в международной образовательной среде. Однако программа имеет недостаточный масштаб – 12 учителей на всю страну. Наблюдается нехватка современных цифровых учебных материалов на русском языке. Программа носит символический характер по сравнению с массовым присутствием Корпуса мира США в 1990-х.²⁰ Помимо этого, отсутствие преемственности между уровнями системы образования, системного преподавания русского языка в школе и вузе влечет за собой отсутствие перспектив карьерного роста, что сильно снижает привлекательность российской программы. Таким образом, обучение по российским стандартам в отдельных школах создает «образовательные островки», которые не способствуют системным изменениям, но создают проблемы при переходе на более высокие ступени образования. С. Наранчимэг справедливо отмечает: «Для успешного продвижения русского языка необходим не только культурный, но и прагматический стимул:

¹⁵ Bryce Loo. (2023). Education in Mongolia. [Online]. WENR (World Education News Reviews). 14 February. Available at: <https://wenr.wes.org/2022/08/education-in-mongolia> (Assessed: 09 October 2025).

¹⁶ Mongolia Economic Update: Youth Employment Challenges. (2024). World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/mongolia> (Accessed: 01 October 2025).

¹⁷ Around 9,900 Foreign Nationals Employed in Mongolia as of March 2025. (2025). [Online]. MONTSAME (Mongolian News Agency). 18 April. Available at: <https://montsame.mn/en/read/367023> (Accessed: 01 October 2025).

¹⁸ Первый Центр открытого образования на русском языке заработал в Монголии. (2024). [Электронный ресурс]. ВГТРК. 4 сент. URL: <https://smotrim.ru/article/4127100> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁹ 285 монгольских школьников получили сертификаты об уверенном владении русским языком. (2023). [Электронный ресурс]. Портал Российское образование. 15 мая. URL: <https://edu.ru/news/prodvizhenie-russkogo-yazyka-za-rubezhom/285-mongolskih-shkolnikov-poluchili-sertifikaty-ob/> (дата обращения: 01.10.2025).

²⁰ Peace Corps in Mongolia. (2024). [Online]. Peace Corps. Available at: <https://www.peacecorps.gov/mongolia/> (Accessed: 12 September 2025)

признание российских дипломов, высокая востребованность русскоязычных специалистов в монгольской экономике и реальные инвестиции в совместные научно-технические проекты»²¹. Однако на текущий момент критический анализ существующих российских программ выявил значительный разрыв между декларируемыми целями и реальными результатами. Многие инициативы остаются недофинансированными, фрагментарными и не имеют системного характера.

Международное образовательное сотрудничество: здоровая конкуренция и взаимное обогащение

Расширение образовательных горизонтов. Современная Монголия имеет уникальные возможности для интеграции международных образовательных практик и ресурсов различных стран мира. Такая интеграция способствует расширению академических и культурных горизонтов молодежи и формированию глобальных компетенций [Weidman, Bat-Erdene, 2002, p. 135; Ahearn, Bumochir, 2016, p. 93]. Программа Фулбрайта (Fulbright)²² начала свою деятельность в Монголии с середины 1990-х гг. Первые монгольские участники – Fulbright Visiting Scholar и Fulbright Foreign Student – отправились в США в 1994–1995 гг.²³ Параллельно с этим, Корпус мира США (Peace Corps) начал работу в Монголии в 1991 г. по приглашению правительства страны. Волонтеры с самого начала преподавали английский язык в школах и консультировали по вопросам образования, способствуя развитию коммуникативных навыков и международных контактов²⁴. Страны Европейского Союза активно развивают образовательное сотрудничество с Монголией. Программа Erasmus+ предоставляет возможности для академической мобильности. Германия реализует стипендиальные и исследовательские программы обменов DAAD, Великобритания взаимодействует через Британский совет²⁵, Франция – через Альянс Франсез. Китай усиливает образовательное присутствие через институты Конфуция. Южная Корея активно реализует образовательные программы, основанные на феномене «Корейской волны». Япония традиционно поддерживает тесные образовательные связи с Монголией через стипендиальные программы MEXT. Таким образом, Монголия сочетает возможности международной академической мобильности с внутренними вызовами образовательного неравенства, создавая сложный, но перспективный контекст для развития системы образования.

---

²¹ Наранчимэг, С. (2023). *Монголын боловсролын гадаад харилцаа: Прагматик шийдэл ба сорилтууд (Международные отношения в сфере образования Монголии: Прагматические решения и вызовы)*. Улаанбаатар. Эрдмийн хэвлэлийн газар. Х. 12.

²² Программа «Фулбрайта» не внесена в официальный реестр нежелательных организаций в России, но ее администратор, Институт международного образования (ИЕ), был признан нежелательным, что привело к приостановке программы.

²³ Fulbright Program in Mongolia. (2022). [Online]. U.S. Embassy Ulaanbaatar. Available at: <https://mn.usembassy.gov/education-culture/scholarships/fulbright-student/> (Accessed: 10 October 2025).

²⁴ About Peace Corps Mongolia. [Online]. Peace Corps Official Website. Available at: <https://www.peacecorps.gov/mongolia> (Accessed: 01 October 2025).

²⁵ С 5.06.2025 является нежелательной организацией на территории Российской Федерации.

Возможности для развития российско-монгольского партнерства

Уникальные преимущества российского образования. Российское образование обладает рядом уникальных преимуществ. Главным конкурентным преимуществом является сохраняющаяся общественная симпатия к России. В соответствии с опросом 2020 г. Россия является наиболее предпочтительной страной для сотрудничества (79,5 % граждан) и разделяет 1-е место с США как страна желательная для получения образования (61,2 %) [Доржиева, Цыремпилова, 2021, с. 49-50]. Традиционно сильные позиции российских университетов в области естественных наук, инженерии, медицины создают прочную основу для привлечения студентов. Важным преимуществом является относительная территориальная близость России к Монголии.

Реализация этих преимуществ зависит от решения целого ряда задач. Во-первых, требуется модернизация системы взаимодействия российских образовательных организаций с иностранными студентами. Необходимо кардинально упростить процедуры поступления, сократить бюрократические барьеры, повысить качество сопровождения студентов. Во-вторых, для достижения реального эффекта необходима координация усилий различных ведомств (Минобрнауки, Минпросвещения, МИД, Россотрудничество), создание единой стратегии образовательной дипломатии и выделение адекватных ресурсов для ее реализации. В-третьих, критически важным является развитие программ изучения русского языка как иностранного. В-четвертых, необходимо активнее использовать современные информационные технологии. Создание качественных онлайн-курсов на русском языке с субтитрами на монгольском языке может привлечь большое количество слушателей. Перспективным представляется создание виртуальных экскурсий по российским университетам. В-пятых, ограниченность государственных средств требует поиска альтернативных источников финансирования российско-монгольских взаимосвязей в области образования и культуры. Важным направлением может стать привлечение российского и монгольского бизнеса. Перспективным представляется развитие образовательного кредитования для иностранных студентов.

Заключение

Российско-монгольское сотрудничество в области образования имеет прочные исторические корни и значительный потенциал для развития. Реализация этого потенциала потребует терпения, взаимного уважения и готовности к инновациям от всех заинтересованных сторон. Современные изменения в образовательном ландшафте не следует рассматривать исключительно как утрату позиций, но скорее как естественную эволюцию в направлении большего разнообразия и многовекторности. Монголия, получившая доступ к образовательным ресурсам различных стран, может формировать более сбалансированное и космополитичное поколение специалистов. Для России это создает как вызовы, так и новые возможности. Необходимость конкурировать с другими образовательными системами стимулирует повышение качества российских образовательных услуг, развитие инновационных подходов, лучшее понимание потребностей международной аудитории.

Ключевым принципом развития международного сотрудничества в области образования должно стать признание равноправия и взаимной выгоды. Образовательное партнерство XXI в. не может строиться по модели односторонней передачи знаний и опыта. Необходимо отказаться от конкуренции за «эксклюзивное влияние» в пользу модели «партнерского сотрудничества». Монголия, интегрированная в международное образовательное пространство и имеющая связи с различными образовательными системами, представляет большой интерес для России как партнер, чем как изолированная, зависимая страна. Многовекторность монгольской образовательной политики следует рассматривать не как угрозу российским интересам, а как возможность для взаимного обогащения и развития инновационных форм сотрудничества. Современная Монголия обладает собственными достижениями, которые могут быть интересны и полезны российским партнерам.

Будущее российско-монгольского образовательного партнерства не предопределено. Реализация позитивного сценария сотрудничества зависит от конкретных действий и инвестиций, которые обе стороны готовы предпринять в ближайшие годы. «Окно возможностей» для восстановления российских позиций в области образования остается открытым, но оно, к сожалению, постепенно сужается по мере укрепления позиций других образовательных систем и сокращения числа владеющих русским языком монголов. В конечном счете, успех партнерства в сфере образования зависит от способности всех участников адаптироваться к изменяющимся условиям, сохраняя при этом лучшие традиции прошлого.

Список литературы/ References

Актамов, И. Г., Григорьева, Ю. Г. (2022). Сотрудничество России и Монголии в научно-гуманитарной сфере: основные вехи (к столетию установления дипломатических отношений). *Монголоведение*. Т. 14. № 1. С. 65-82.

Aktamov, I. G., Grigorieva, Y. G. (2022). Cooperation between Russia and Mongolia in the Scientific and Humanitarian Sphere: Key Milestones (to the Centenary of the Establishment of Diplomatic Relations). *Mongolian Studies*. Vol. 14. No. 1. Pp. 65-82. (In Russ.)

Джагаева, О. А. (2019). Вклад РСФСР / СССР в развитие системы образования Монгольской Народной Республики в 1921-1945 гг. *Oriental Studies*. Т. 12. № 4. С. 32-36.

Dzhagaeva, O. A. (2019). The Contribution of the RSFSR / USSR to the Development of the Education System of the Mongolian People's Republic in 1921-1945. *Oriental Studies*. Vol. 12. No. 4. Pp. 32-36. (In Russ.)

Доржиева, И. Ц., Цыремпилова, Э. В. (2021). Экспорт образовательных услуг России в Монголию в контексте реформирования монгольской системы образования. *Общество: политика, экономика, право*. № 6. С. 46-51.

Dorzhieva, I. Ts., Tsyrempilova, E. V. (2021). Export of Russian Educational Services to Mongolia in the Context of the Reform of the Mongolian Education System. *Society: Politics, Economics, Law*. No. 6. Pp. 46-51. (In Russ.)

Дыркхеева, Г. А., Наранчимэг, Г. (2019). Языковая политика Монголии: проблема возрождения старомонгольской письменности (монгольская письменность). *Гуманитарный вектор*. № 3. С. 98-104.

Dyrkheeva, G. A., Gombodorzhiyn, N. (2019). Language Policy in Mongolia: Problem of Revival of the Old Mongolian Script (The Mongolian Script). *Humanitarian Vector*. Vol. 14. No. 3. Pp. 98-104. (In Russ.)

Дыркхеева, Г. А., Цыбенова, Ч. С., Цэрэнчимэд, С., Дашдондог, Э. (2021). Русский язык в системе образования Монголии: состояние, динамика, проблемы. *Социоллингвистика*. № 1 (5). С. 31-48.

Dyrkheeva, G. A., Tsybenova, Ch. S., Tserenchimed, S., Dashdondog, E. (2021). Russian language in Mongolian Education System: State, Dynamics, Problems. *Sociolinguistics*. No. 1 (5). Pp. 31-48. (In Russ.)

Изгарская, А. А. (2022). Образовательное неравенство в современной Монголии: к проблеме социокультурных трансформаций периферизируемых обществ. *Философия образования*. Т. 22. № 2. С. 82-98.

Izgarskaya, A. A. (2022). Educational Inequality in Modern Mongolia: On the Problem of Socio-Cultural Transformations of Peripheralizing Societies. *Philosophy of Education*. Vol. 22. No. 2. Pp. 82-98. (In Russ.)

Намжилсурэн, Ж., Рулиене, Л. Н. (2024). Место русского языка в современной школе Монголии: к постановке проблемы. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. № 2. С. 133-140. DOI: 10.37972/chgpu.2024.123.2.016.

Namzhilsuren, Zh., Ruliene, L. N. (2024). The Status of the Russian Language in Modern Mongolian Schools: Problem Statement. *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev*. No. 2. Pp. 133-140. (In Russ.)

Суржко, А. В. (2022) Советско-монгольское сотрудничество в сфере высшего образования (1946-1991 гг.): характеристика основных договоров и соглашений. *Гришаевские чтения: материалы IV национальной научной конференции, посвященной памяти д-ра истор. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В. В. Гришаева*. Красноярск, 11-12 ноября 2021 г. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. С. 94-99.

Surzhko, A. V. (2022). Soviet-Mongolian Cooperation in the Field of Higher Education (1946–1991): Characteristics of the Main Treaties and Agreements. In *Grishaevskie Chteniya: Proceedings of the IV National Scientific Conference Dedicated to the Memory of Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education V. V. Grishaev*. Krasnoyarsk, 11-12 November 2021. Krasnoyarsk. Pp. 94-99. (In Russ.)

Ушаков, Д. В. (2018). Современные тенденции развития монгольской системы образования (часть 1). *Философия образования*. № 4. С. 82-92.

Ushakov, D. V. (2018). Current Trends in the Development of the Mongolian Education System (part 1). *Philosophy of Education*. No. 4. Pp. 82-92. (In Russ.)

Хишигдулам, Н. (2024). Влияние глобальных образовательных реформ на локальное неравенство: мирсистемный анализ программы Кембридж и Pearson в Монголии. *Пространства и взаимодействия. Материалы XXII Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук*. Новосибирск. С. 100-103.

Khishigdulam, N. (2024). The Impact of Global Education Reforms on Local Inequality: A Worldsystems Analysis of the Cambridge-Pearson Program in Mongolia. In *Spaces and Interactions. Proceedings of the XXII International Conference of Young Scientists in Humanities and Social Sciences*. Novosibirsk. Pp. 100-103. (In Russ.)

Хишигдулам, Н., Ичинхорлоо, Ш., Изгарская, А. А. (2024). Образовательная политика в современной Монголии: ключевые этапы и тенденции. *Философия образования*. № 3. С. 52-71.

Khishigdulam, N., Ichinkhorloo, Sh., Izgarskaya, A. A. (2024). Educational Policy in Modern Mongolia: Key Stages and Trends. *Philosophy of Education*. Vol. 24. No. 3. Pp. 52-71. (In Russ.)

Хишигдулам, Н., Изгарская, А. А. (2025). Двухязычное образование этнических меньшинств в Монголии. *Философия образования*. Т. 25. № 2. С. 93-114.

Khishigdulam, N., Izgarskaya, A. A. (2025). Bilingual Education of Ethnic Minorities in Mongolia. *Philosophy of Education*. Vol. 25. No. 2. Pp. 93-114. (In Russ.)

Энхбаяр, Д. (2011). Трансформация системы образования Монголии. *Власть*. № 3. С. 96-99.

Enkhbayar, D. (2011). Transformation of the Education System in Mongolia. *Vlast (The Authority)*. No. 3. Pp. 96-99. (In Russ.)

Ahearn, A., Bumochir, D. (2016). Contradictions in Schooling Children among Mongolian Pastoralists. *Human Organization*. Vol. 75. № 1. Pp. 87-96.

Arrighi, G. (1990). The Developmentalist Illusion: A Reconceptualization of the Semiperiphery. In Martin, W. G., Wallerstein, I. (eds.). *Semiperipheral States in the World-economy*. New York. American Sociological Association; Greenwood Press. Pp. 11-44.

Collins, R. (2001). Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact. *International Sociology*. Vol. 16 (3). Pp. 421-437.

Heaton, W. R. (1992). Mongolia in 1991: The Uneasy Transition. *Asian Survey*. Vol. 32. No. 1. Pp. 50-55.

Kaplonski, C. (2004). *Truth, History and Politics in Mongolia: The Memory of Heroes*. London. Routledge.

- Nye, J. S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York. PublicAffairs.
- Pomfret, R. (2000). Transition and Democracy in Mongolia. *Europe-Asia Studies*. Vol. 52. No. 1. Pp. 149-160.
- Rossabi, M. (2005). *Modern Mongolia: From Khans to Commissars to Capitalists*. Berkeley. University of California Press.
- Steiner-Khamsi, G. (2004). *The Global Politics of Educational Borrowing and Lending*. New York. Teachers College Press.
- Steiner-Khamsi, G., Stolpe, I. (2006). *Educational Import: Local Encounters with Global Forces in Mongolia*. New York. Palgrave Macmillan.
- Stolpe, I. (2016). Social versus Spatial Mobility? Mongolia's Pastoralists in the Educational Development Discourse. *Social Inclusion*. Vol. 4. No. 1. Pp. 19-31.
- Wallerstein, I. (2000). Culture as the Ideological Battleground of the Modern World-System. In *The Essential Wallerstein*. New York. The New Press. Pp. 264-288.
- Weidman, J. C., Bat-Erdene, R. (2002). Higher education and the state in Mongolia: Dilemmas of democratic transition. In Weidman, J. C., Duderstadt, B. L. (eds.). *Higher Education in the Developing World: Changing Contexts and Institutional Responses*. Greenwood Press. Pp. 129-148. [Online]. Available at: https://www.researchgate.net/publication/264347366_Higher_Education_and_the_State_in_Mongolia_Dilemmas_of_Democratic_Transition. (Accessed: 01 October 2025).

Сведения об авторах / Information about the authors

Хишигдулам Нанжидмаа – преподаватель кафедры английского и немецкого языков Монгольского государственного университета образования, Монголия, Улан-Батор, Сүхбаатар дүүрэг, 296, e-mail: khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>.

Изгарская Анна Анатольевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского Отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

Статья поступила в редакцию: 13.10.2025

После доработки: 30.10.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Khishigdulam Namjidmaa – Lecturer of the Department of English and German Language of the Mongolian State University of Education, Mongolia, Ulaanbaatar, Sukhbaatar District, 296, e-mail: khishigdulam@msue.edu.mn, <https://orcid.org/0009-0003-6136-0130>.

Izgarskaya Anna – Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolayev Str., 8, e-mail: aizgarskaya@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9313-0805>.

The paper was submitted: 13.10.2025

Received after reworking: 30.10.2025

Accepted for publication: 10.11.2025